

УДК 128

А.В. Гончарова, аспірант

Севастопольский национальный технический университет

ул. Университетская, 33, Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ЦЕННОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ АВГУСТИНА БЛАЖЕННОГО

Исследуется специфика аксиологической мысли средневековья, переосмысление ценностных ориентиров под влиянием идеи единого Бога. Особое внимание уделено дуалистическому пониманию бытия, разделению «небесного» и «земного» как основе общественного устройства.

Ключевые слова: *ценность, благо, патристика, грех, возмездие, высшая справедливость, небесное, земное.*

В современной историко-философской литературе превалирует мнение о том, что в условиях средневековой эпохи сформировался единый ценностный мир, который, по сравнению с античностью характеризуется более пристальным вниманием к проблеме смысла и ценности жизни. Это связано с существованием реальных социальных противоречий того периода.

Междоусобные войны, разделение единого государства, гонения и массовые истребления содействовали развитию в общественном сознании взгляда на человека как на малозначимое, беззащитное и слабое существо, влачащее бессмысленное существование в мире и полностью зависящее от высших господствующих сил, что привело, в свою очередь, к рождению идеи Бога как Властелина Вселенной, Всемогущего и Всесильного Господина всего сущего. Таким образом, формировалась особая, отличная от античного понимания, аксиологическая мысль средневековья, выявление специфики которой и будет целью данной статьи.

Реализация философской мысли раннего средневековья нашла воплощение в учении патристики, в которой синтезировались религиозные ценности христианства и эллинского философского наследия. Понятийная структура греческой философии конституировала в христианском Откровении те смыслы, которые нельзя было извлечь из него и сделать доступными иным путем. То есть понятийный, рефлексивный элемент не «оформлял» лишь религиозное сознание, но определенным образом воздействовал на его содержание [1, с. 247].

Патристика признавала не истину в целом, но только истину божественную, спасительную, поэтому с точки зрения Отцов церкви, теология и подлинная философия были тождественны, а вера превалировала над разумом. Первую попытку сочетать догмы христианства и греческой философии предпринял Филон Александрийский (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.).

Позднее в учении Климента Александрийского были выявлены те стороны философии, которые могли быть использованы богословами, став первым в христианской истории сформулировавшим принцип гармонии разума и веры. По мысли Климента, в философии «особо полезным является способ рационального доказательства. В религии же единственным путем к Богу до сих пор служит вера» [1, с. 254]. При этом только лишь вера не может быть надежной всегда; дополненная логическими доказательствами, она усиливается. В тот же период зародился иной взгляд на взаимоотношение философии и религии, разума и веры. Квинт Септимий Флорент Тертуллиан выступил против обоснования с помощью философских категорий христианских догм, отмечая их совершенную несовместимость.

«Бог – единый и всемогущий Творец и Создатель всякой души и всякого тела» [2, с. 233]. В этой фразе воплотилась сущность одного из величайших философов средневековья – Августина Блаженного (354-430), который считал истинную веру и философию идентичными друг другу. В центре внимания Августина находилась проблема человеческой жизни. Учение о «граде Божиим» стало объяснением причин страданий людей, явившись социально-религиозной утопией, иллюзорным обещанием справедливости и счастья. Для Августина характерно новое представление о положении человека в системе мироздания. В соответствии с естественным, определенным Богом, порядком вещей, в иерархии ценностей человеку отведено почти наивысшее место. Человек уступает по положению только ангелам, но последние, по мнению Августина, могут быть злы, так что добрые люди способны даже превзойти ангелов.

В понимании сущности человеческой жизни у Августина был иной подход. Философ считал, что земную жизнь вообще не следует называть жизнью, поскольку это на самом деле есть «смерть», притом настолько тяжкая, что настоящей смерти, освобождающей от нее, боятся только из любви к этой «смерти».

Августин усмотрел сущность души не столько в ее разумно-мыслительной деятельности, сколько в волевой. Признавая существование свободы воли, он называет последнюю свободой выбора, которая неотчуждаема от воли и дана человеку в момент его творения. И хотя Богу заранее известен выбор той или иной личности, это не означает, что воля не выбирает, ибо выбор детерминирован мотивами. Свобода является возможностью свободной воли выбирать наилучшее. Поэтому она не противоречит благодати, ведущей избранных к спасению, даже если это и осуществляется помимо их воли. В конечном счете все происходит, согласно божественному волеизъявлению, которое не только предвидит, но и предопределяет любое действие человеческой воли. Таким образом, свобода человека оказывается иллюзорной. Индивид субъективно действует свободно и ответственно (идея индивидуальной ответственности), но все, что он делает, в действительности направляется Богом.

Понимая самопознание как наиболее совершенный вид познания, Августин утверждал необходимость переноса центра внимания с внешнего мира на внутренний и в целях повышения эффективности самоанализа рекомендовал «отвлечься от чувств и сосредоточивать душу и удерживать ее саму в себе» [3, с. 143]. Задействуя неоплатоническое уподобление умопостигаемого мира полноте, а чувственно воспринимаемого – лишенности, сохраняя при этом христианский смысл данных образов, Августин неоднократно упоминал о том, что душа человека, увлекаемая множеством чувственно воспринимаемых вещей, теряет изначально свойственное ей единство и доходит до нищеты в желании обладать, возможно, большим, обогащается же она лишь по мере приобщения к единству и непреложности высшей умопостигаемой истины [3, с. 143].

«Внутренний человек» стремится к интимно-личностной связи с Богом, погружается в глубины своей души, ищет Бога как единственную точку опоры своего временного пребывания в непрочном и зыбком мире: «Настоящая счастливая жизнь в том, чтобы радоваться Тобой, от Тебя, ради Тебя: настоящая счастливая жизнь, и другой нет. Те, кто полагает ее в другом, гонятся за другой радостью – не настоящей» [4, с. 268].

Августин определял государство как согласное сообщество людей, соединенных общими законами, называя сущностью подобного устройства властно-принудительное, политическое управление обществом. Необходимость данного управления обосновывалась заповедью о любви к ближнему. По мысли Августина, только та общность может быть государством, где возвышаются, подобно души над телом, над другими людьми, отправляющие политическую власть [5]

Назначением государства, таким образом, является не только осуществление деятельности, обеспечивающей материальные блага для подчиненных, но и гарантии духовного благополучия общества. А назначением церкви в подобном государстве является забота о моральном воспитании личности, когда государство является «стражем» и «регулятором» не только земного порядка, но и направления к исходному в христианском учении порядку божественному.

Таким образом, мораль, изложенная в концепции Августина, не только ограничивала эгоистические интересы отдельной личности, но и подчеркивала значение интересов других людей, являясь важной составной частью широкой теоретической схемы, центром притяжения которой был Бог.

Поздняя патристика периода VI–IX вв. приняла форму непреложного закона. Особое внимание богословов было обращено к учению Аристотеля. Отметим Иоанна Скота Эриугену, впервые заявившего о главенстве разума над авторитетом Священного Писания, не выделяя дистанции между философией и религией: «Если Откровения учат одному, а разум – другому, то философ должен верить больше разуму. Поскольку и разум, и авторитет проистекают из божественной мудрости, в религии не может быть ничего не согласного с разумом. Человеческий дух уклонился вследствие грехопадения от непосредственного созерцания истины, поэтому усвоение истины, о которой свидетельствует Священное Писание, требует усилий разума. Разум, ведущий по пути богопознания, – это разум человека, духовно просветленного верой» [6, с. 358–359].

С XI века получила развитие схоластика, решающая не только задачу внешнего согласования философских и религиозных текстов, но пытающуюся выразить и концептуально осмыслить опыт постижения Бога и мира.

Так, Петр Абеляр (1079–1142) проблематизировал статус философии и теологии как отдельных дисциплин. Он полагал, что наступило время отделить философию от религии, потому что «самым главным для философов является исследовать истину рационально и следовать во всем не мнению людей, а доводам разума» [1, с. 98], хотя философия при этом не может охватить Святой Дух, ибо эти свойства Бога человеческая душа постигает непосредственно лицом к лицу с Богом без всяких посредников. Но несмотря на это, он полагал, что при изучении Священного Писания главенство должно быть отдано рациональному знанию, а не вере: «...иудеи... стремятся взамен доказательств к знамениям и... ищут себе защиты в высказываниях других, как будто бы легче высказывать суждения, опираясь на авторитет или сочинения отсутствующего, чем на разум или суждение присутствующего; как будто бы можно скорее найти довод для сознания первого, чем второго» [6, с. 104]. Так, у него совершенное

высшее знание осуществляется через философскую веру, т. е. веру при наличии интеллектуального усилия.

Абеляр, считая, что человек по своей сущности находится на пути к Богу как высшему благу, утверждает, что все в жизни человека должно рассматриваться в ценностном аспекте. Поэтому более совершенное выявление высших ценностей осуществляется при наличии интеллектуального усилия веры. В работе «Да и нет» он даже приводит сравнения: повторять священные тексты, не судя их, это то же самое, что уподобляться ослу с лирой, который «думает», что способен извлекать прекрасные звуки без всякого предварительного умения.

Отсюда, по нашему мнению, берет начало абеляривская теологика, с помощью которой он определяет качества Бога через три понятия-ценности: всемогущества, мудрости и добра. Мощный, но не мудрый, может плохо влиять на людей; мудрый, но не мощный, не сможет влиять на мир вообще. Мощный и мудрый, но не благой – деспот. Только единство этих ценностных качеств создает абсолютную законченность и полноту.

Фома Аквинский (ок. 1225-1274) полагал, что по своему предмету философия и теология фактически не различаются, так как «обе они имеют предметом Бога и то, что он создает; только теология идет от Бога к природе, а философия от природы к Богу. Они отличаются друг от друга прежде всего методом, средством его постижения: философия опирается на опыт и разум, а теология – на веру. Но между ними нет отношений полной взаимной дополнительности, ибо принципы теологии и принципы разума не зависят друг от друга; некоторые положения теологии, принимаемые на веру, могут быть обоснованы разумом, философией, но многие истины не поддаются рациональному обоснованию» [1, с. 353].

Вместе с тем развивается представление о ценности как интенциональной форме, воспринимаемой чувственно; ценностно-чувственный образ идеи какого-либо объекта. Человеку не дано знать всю полноту божественного Блага и совершенства, из-за чего он, каждый раз оценивая, может ошибиться, но, несмотря на ошибки, в оценке проявляется его свобода. Все, что соответствует практическому разуму – ценность, что противоречит ему – не-ценность. Итак, Фома онтологизирует благо, которое выступает как сущность бытия и телеологическая причина-цель.

Интерпретируя зло и злые поступки как всего лишь ошибки разума, Фома Аквинский выступает в вопросах возмездия согласно концепции предопределения Августина. Мечтая о высшем и суровом возмездии, Аквинат писал: «Блаженные в Царствии небесном узрят наказания осуждённых, дабы блаженство их более услаждало их... Ещё есть и другие зрелища, тот последний и вечный день суда, тот неожиданный для насмехающихся над ним язычников день, когда вся эта ветошь мира и её порождения будут сожжены одним огнём. Какое захватывающее зрелище! Вот чему я буду удивляться! Вот чему смеяться! Там я возрадуюсь!» [7, с. 174-175].

Для философии Фомы Аквинского характерна мистифицированная форма отражения общественного строя. Это находит проявление в том, что Аквинат выводит социальную структуру из общего принципа «градации бытий», хотя на самом деле этот принцип отражает и оправдывает феодальную иерархию. Социальные разделение и неравенство называются необходимыми условиями божественной гармонии, в результате чего трактуются как блага.

Система Фомы Аквинского освящает всю систему феодальных отношений, включая ее в иерархию земных и небесных сил. Аквинат называет повиновение всеобщей обязанностью вассала, провозглашая Бога «всеобщим сеньором», тем самым уравнивая на словах все сословия и фактически создавая прообраз универсальных вассально-сеньорных отношений.

Итак, средневековая аксиологическая мысль, в частности учение Августина соответствовало историческим условиям, при которых происходила компенсация разорванных социальных связи между людьми иллюзорной связью с Богом, понимаемой как условие самого человеческого бытия. Учение о благодати стало ответом в ситуации распада античных политических идеалов и обесценивания разума. На смену монистического взгляда на общественное устройство пришло дуалистическое понимание действительности, что наиболее ярко воплотилось в описании Августином «небесного» и «земного» града.

Обоснование существования двух противоположных миров – земного и духовного, оправдывало необходимость смирения, принятия порядка, даже несправедливого, но необходимого в «граде земном» ради божественной благодати.

Таким образом, когда античная мысль фактически пришла в упадок, то идея Логоса была подхвачена христианством, становясь живым Словом. В центре мировоззренческой, а значит и философской, парадигмы Средневековья возникает идея единого Бога, создавшего все благим и для Блага, в том числе свободную волю людей, способных не только разумно распорядиться свободой, но и злоупотреблять ею. Поэтому ценностное отношение благодаря божественной ценностно-духовной иерархии мира – не индивидуальная реакция на события или факты, а уже трансцендентно-социальное отношение, позволяет утверждать, что это – ценность сама по себе. Более того, ценностное порождало и

определяло рациональное. Соответственно, не только можно говорить о ценностных размышления этой эпохи, но и следует адекватно их исследовать.

Библиографический список использованной литературы

1. Августин Блаженный. О порядке / Блаженный Августин // Об истинной религии. — Минск: Харвест, 1999. — 280 с.
2. Аквинский Ф. Сумма против язычников / Ф. Аквинский. — Долгопрудный: Издательство «Вестком», 2000. — 274 с.
3. Августин Блаженный. О граде Божием / Блаженный Августин. — Минск: Харвест, 2000. — 180 с.
4. Августин Аврелий. Исповедь / Аврелий Августин. — М.: Кангон + ОИ «Реабилитация», 2000. — 364 с.
5. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат / Блаженный Августин. — Минск: Харвест, 1999. — 236 с.
6. История философии: Запад – Россия – Восток: в 3 т. / под ред. Ю.А. Шичалина. — М.: Греко-латинский кабинет, 1995–1999. — 392 с.
7. Абельяр П. Диалог между философом, иудеем и христианином / П. Абельяр // История моих бедствий. — М.: Акад. наук СССР, 1959. — 210 с.

Поступила в редакцию 23.05.2013 г.

Гончарова О.В. Ціннісна модель людини у філософії Августина Блаженного

Досліджується специфіка аксіологічної думки середньовіччя, переосмислення ціннісних орієнтирів під впливом ідеї єдиного Бога. Особлива увага приділяється дуалістичному розумінню буття, поділу «небесного» і «земного» як основи суспільного устрою.

Ключові слова: цінність, благо, патристика, гріх, відплата, вища справедливість, небесне, земне.

Goncharova A. Valuable model of the person in Augustine Blazhenny 's philosophy

In the article, the specifics of the axiological medieval thought is researched as well as rethinking of the values under the influence of the idea of one God. Special attention is paid to dualistic understanding of being separated by "heaven" and "earth" as the basis of social order.

Keywords: value, good, patristics, sin, retribution, the highest justice, heavenly and earthly.